

Мир. 2938-1992 - 15 апр (16) - с. 6

Летучий новозеландец

Брайан Бойд и его книга о Набокове

ЛЕТНИМ солнечным январским днем (ведь в Новой Зеландии все, как известно, наоборот) мне попалась на глаза маленькая заметка в веллингтонской газете, где говорилось, что журнал «Тайм» присудил свою ежегодную литературную премию новозеландцу Брайану Бойду, автору биографии В. Набокова. Какая-то фантазмагория, подумал я: писатель — русский, биограф — новозеландец, премия — американская. О Бойде было известно только то, что он преподает в Оклендском университете.

...Как и положено современному университетскому преподавателю, Брайан Бойд — а свитере, поверх которого расстегнутый воротник ковбойской рубашки, плисовых штанах и спортивных кедах. В кабинете полный беспорядок. Таково по крайней мере первое впечатление. Но хозяин быстро извлекает из-под кресла бумаги и книг толстенный фолиант, на обложке которого запечатлен молодой Набоков — и строгий заголовок «Русские годы».

В книге этой свыше шестисот страниц и множество иллюстраций. Издана она великолепно и стоит около пятидесяти долларов. Над ней автор работал более десяти лет.

Брайан Бойд родился в Белфасте в семье рабочего. Это было в 1952 году. Вскоре родители переехали в Новую Зеландию.

— Когда мне было 13 лет, я решил прочитать «Лолиту», так как много слышал об этом бестселлере. Но книга меня разочаровала. После этого решил больше не читать Набокова, — рассказывает Брайан Бойд.

Прошло три года, и он случайно наткнулся на одну статью в журнале «Тайм», том самом, который спустя много лет назовет Бойда своим лауреатом. Статья была о Набокове. Он прочитал ее с интересом. Потом были «Ада» и «Бледный огонь». Как говорит Бойд, с той поры он озабочен «на крючке» набоковского таланта.

В 1979 году Брайан Бойд защищает в Торонто диссертацию, в которой исследует повесть «Ада». Тогда же он познакомился с видным публицистом и издателем Карлом Проффером, которого связывали давние дружеские узы с Набоковым. Именно он опубликовал диссертацию Бойда и послал ее вдове писателя.

Вскоре Бойд, который даже не знал, что его работу послали в Монре (Швейцария), получил письмо от Веры Набоковой. Она писала, что хотела бы с ним познакомиться, и приглашала к себе.

— Я провел в Монре четыре июньских дня 1979 года. Вера сказала, что тезисы моей диссертации — это лучшее, что она прочитала о произведениях своего мужа. Затем она показала мне рукопись «Ады». Я был просто потрясен.

Брайан решает открыть Набокову свой сокровенный замысел: составить полную библиографию писателя. Для этого ему требовалось познакомиться с письмами Набокова к матери.

— Вера поддержала мою идею, но просьбу отвергла. Она спросила, зачем библиографу нужно знакомиться с личными письмами.

Но Бойд умел ждать.

Прошло всего два месяца, и в Новую Зеландию приходит письмо из Монре. Набокова готова платить молодому исследователю по пятнадцать долларов в час, если он согласится разобрать личный архив писателя.

— Я провел там три месяца, работая почти круглосуточно. Мне открылись подлинные сокровища! Я обнаружил среди них считавшуюся утерянной рукопись «Волшебника», в которой был, по существу, изложен первый вариант «Лолиты». Я нашел ее в картонной коробке, валявшейся за буфетом. Там же был

оригинальный киносценарий «Лолиты», но не тот, который был опубликован и о котором Стэнли Кубрик сказал, что он может по нему снять фильм за шесть часов. Найденный вариант был в два раза больше. В Монре я решил написать биографию писателя.

Вера Набокова благословила честолюбивого новозеландца, и он приступил к поискам издателя. Ведь предстоящая работа была связана с необходимостью длительных разъездов, что исключало преподавательскую деятельность. Нужны были средства, и немалые.

В конце концов поиски партнера привели в Принстонский университет. Когда-то здесь издавался четырехтомник «Евгения Онегина» в переводе и с комментариями Владимира Набокова. Недавно университетское издательство выпустило пятитомную биографию Достоевского, написанную Джозефом Франком. Бойд резонно решил, что в Принстоне осилит и два тома, посвященные Набокову. И он не ошибся (второй том тоже уже вышел и называется «Набоков: американские годы»).

После этого началась непосредственная работа над книгой.

— Мне было очень трудно начинать. Вера была скрытна и замкнута. Отношения были строго официальными: «Мистер Бойд» и «мадам Набокова». Так продолжалось довольно долго. Перелом наступил только тогда, когда я показал ей первую главу биографии.

Такое настороженное отношение к биографу можно понять, если вспомнить реакцию Владимира Набокова после публикации его биографии, написанной американским литературоведом Эндрю Филдом. Набоков написал Филду письмо, в котором с несвойственной ему резкостью говорил, что «зря прожил далекую от ординарности жизнь, чтобы потом ее воссоздал блуждающий в потемках осел».

Сутками Бойд сидел, зарывшись в пыльные архивы, а порой, как азартный охотник, рыскал по миру в поисках материалов. Чтобы читать раннего Набокова в подлиннике, изучил русский язык. Отыскал старых друзей и знакомых писателя, бывших коллег и студентов, которые у него учились, личных секретарей и домоуправляющих. Он получил даже письмо от Светланы Зизерт — невесты Набокова, брак с которой состоялся в начале 20-х годов. Она переслала Бойду любовную записку писателя. Познакомился с сестрой Набокова Еленой и сыном Дмитрием (ему сейчас 57 лет), бывшим автогонщиком и оперным певцом, а ныне переводчиком произведений своего отца на английский и итальянский языки.

«Летучего новозеландца» можно было встретить в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне и в городских библиотеках Риги («там хранится подшивка газеты «Сегодня» за 20-е и 30-е годы, которая меня интересовала») и Ялты («нужно было просмотреть «Ялтинский голос»: вдруг там есть упоминание о Набокове»), в книжных хранилищах Швеции, Финляндии, Парижа, где находился центр русской эмиграции, Праги, где жила мать писателя, Берлина, с которым свя-

заны многие годы, Италии, куда он часто приезжал, Кембриджа, Нью-Йорка, Техаса и, конечно же, Ленинграда и Москвы.

— Больше всего были, пожалуй, озадачены русские при моем появлении. Это было в начале 80-х годов, еще до перестройки. Мое желание копаться в архивах, а особенно разъезжать по разным городам встречалось с большим подозрением. Мне давали понять, что это все очень странно. С чего это, дескать, новозеландец вздумал писать книгу о русском писателе, бежавшем из своей страны.

— Эта книга охватывает период до 1940 года. Но ведь Набоков покинул родину раньше. Почему вы назвали ее «Русские годы»?

— Да, действительно, семья видного деятеля партии кадетов, депутата Государственной думы В. Д. Набокова, спасаясь от гонений, покинула Петроград и через Ялту добралась до Берлина вскоре после революции. Но это был, можно сказать, формальный отрыв от родины. Молодой Владимир Набоков по праву считал себя русским писателем. Вперед у него еще много потрясений. Персе и наиболее сильное ждет его в Берлине, где во время политического митинга, организованного русской эмиграцией, попадет под пулю его отец. После прихода к власти фашистов Набоков стал опасаться за жизнь своей жены, которая была еврейкой. Она уехала в 1920 году из Одессы вместе с семьей. Вера познакомилась с Набоковым в 1923 году в Берлине, где они вскоре и поженились. Гитлеровские костры инквизиции заставили их покинуть Германию, они вновь эмигрируют, на этот раз — в США. Но и там Набоков продолжает писать по-русски. Окончательный перелом наступил лишь в 1940 году, что и дало мне основание считать «русскими» годы до этого рубежа. Весь оставшийся период вплоть до кончины Набокова в 1977 году я называю «американскими годами».

— Брайан, вы посвятили много лет изучению Набокова, его жизни и творчества. Мы довольно мало знаем о нем. Что это был за человек?

— Для меня Набоков — исключительная личность. Его упрекают в нарциссизме и приводят известное изречение: «Я родился в 1899 году и всегда с восхищением вспоминаю это событие». Да, он действительно и, кстати говоря, с полным основанием верил в свой литературный талант. Но по многочисленным свидетельствам людей, его окружавших, Набоков всегда был открыт и никогда не замыкался в себе.

— Исследуя русские и английские книги Набокова, нашли ли вы какие-нибудь стилистические различия?

— Считается, что литературный стиль Набокова складывался во многом под влиянием Пруста. Язык его русских произведений довольно сложный, я бы сказал, немного вычурный. Что касается английского языка Набокова, то он более динамичен и прост. В этом смысле очень интересно сравнить с подлинником авторские переводы на русский язык романов «Лолита» и «Другие берега».

— Будет ли русское издание вашей книги?

— В ближайшее время «Русские годы» выйдут во Франции, Италии, Японии и в других странах. Сейчас книга переводится на русский язык. Студия «Биографика» готова ее издать.

Мих. ЕФИМОВ